

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. А. ГОРСКИЙ

Проблемы изучения «Слова о погибели Руския земли»

(К 750-летию со времени написания)

В 1892 г. было опубликовано по списку XV в., обнаруженному Х. М. Лопаревым незадолго до этого в библиотеке Псково-Печерского монастыря, поэтическое произведение XIII в. — «Слово о погибели Руския земли».¹ В 1933 г. в Риге был обнаружен второй список «Слова о погибели» (XVI в.), изданный в 1947 г.² В обоих списках непосредственно за этим произведением следует текст Жития Александра Невского. Очень небольшое по размерам (всего лишь 236 слов), «Слово о погибели Руския земли» отличается столь высокими художественными достоинствами и такой силой патриотического чувства, что его автор по своему таланту может быть поставлен в один ряд с автором бессмертного «Слова о полку Игореве». «Слово о погибели», как полагают все его исследователи, дошло до нас в неполном виде — сохранилось лишь начало произведения, за которым должно было следовать повествование о татарском нашествии (мнение большинства ученых³) или княжеских усобицах (другая точка зрения).⁴

За время, прошедшее со времени находки «Слова о погибели», отечественными и зарубежными исследователями сделано немало для его изучения.⁵ Некоторые вопросы, связанные с этим памятником, можно считать решенными. Так, установлено, что «Слово о погибели» не было предисловием к Житию Александра Невского, а являлось первоначально самостоятельным произведением, лишь в XV в. механически присоединенным к од-

¹ Лопарев Х. М. «Слово о погибели Руския земли»: Вновь найденный памятник литературы XIII века // ПДПИ. СПб., 1892. Т. 84. Еще ранее (в 1878 г.) «Слово о погибели» было известно К. Г. Евлентьеву (см.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 5). В настоящее время Печерский список хранится в Государственном архиве Псковской области.

² Опубликован советским литературоведом В. И. Малышевым (Малышев В. И. Житие Александра Невского (по рукописи середины XVI в. Гребенщиковской старообрядческой общины в г. Риге) // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 185—193) и в посмертно изданной работе французского филолога М. В. Горлина по фотокопии (Gorlin M. Le Dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand-prince Jaroslaw // Rev. des études slaves. Paris, 1947. Т. 23, fasc. 1—4. P. 23—24). В настоящее время Рижский список находится в рукописном собрании Института русской литературы АН СССР в Ленинграде. Оба списка «Слова о погибели» очень близки между собой — они восходят к одному архетипу XV в.; различия между Печерским и Рижским списками есть лишь в написании отдельных слов (см.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 21—45).

³ Именно потому, что большинство исследователей связывают появление «Слова о погибели Руския земли» с ордынским нашествием на Северо-Восточную Русь 1238 г., 750-летие памятника может быть условно приурочено к 1988 г.

⁴ Следует оговориться, что нельзя быть уверенным, что продолжение «Слова о погибели» было написано автором — можно лишь утверждать, что он несомненно намеревался это сделать (ср.: Соловьев А. В. Заметки к «Слову о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 82).

⁵ Библиографию работ, вышедших до 1965 г., см. в кн.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 5—11.

ному из списков Жития (архетипу Печерского и Рижского списков).⁶ Выяснено, что фрагменты текста «Слова» были использованы в Кирилло-Белозерском списке «Задонщины», Житии Федора Ярославского и «Степенной книге».⁷ В то же время ряд вопросов остается предметом спора. Рассмотрению некоторых из них посвящена данная статья.

Наиболее дискутируемые вопросы — откликом на какое событие было «Слово о погибели» и (в связи с этим) когда и где оно было создано. Одна группа исследователей полагает, что появление «Слова» было вызвано нашествием Батия на Владимиро-Суздальское княжество в 1238 г. При этом Н. К. Гудзий датировал написание «Слова» временем «около 1238 г.»,⁸ А. В. Соловьев — 1238 или 1240 г.,⁹ И. П. Еремин — 1239 г.,¹⁰ Ю. К. Бегунов — временем от 4 марта 1238 г. (дата гибели великого князя Владимирского Юрия Всеволодича в битве на Сити) до 30 сентября 1246 г. (дата смерти великого князя Владимирского Ярослава Всеволодича), Л. А. Дмитриев — временем начала Батыева нашествия (до битвы на Сити).¹¹ Другие ученые связывают «Слово» с битвой на Калке 1223 г.¹² В. В. Данилов, Б. А. Рыбаков и Т. Н. Ларина считают, что «Слово о погибели» являлось откликом на ушибцы сыновей Всеволода Большое Гнездо, при этом если Б. А. Рыбаков относит написание произведения к 1242—1246 гг.,¹³ а Т. Н. Ларина к 20—30-м гг. XIII столетия,¹⁴ то В. В. Данилов — к гораздо более позднему времени — после 1250 г.¹⁵ По мнению Б. И. Яценко, «Слово о погибели» было написано в 1235 г. по поводу ушибц в Южной Руси, в которых участвовали половцы.¹⁶ М. В. Горлин полагал, что «Слово о погибели» было написано по поводу смерти Ярослава Всеволодича в 1246 г.¹⁷ Местом создания памятника предполагались Владимир (И. П. Еремин,¹⁸ Ю. К. Бегунов¹⁹), Переяславль-Залесский (Н. К. Гудзий²⁰), Новгород (М. Н. Тихомиров,²¹ В. Филипп²²), Киев (А. В. Соловьев,²³ Б. И. Яценко²⁴). По мнению В. В. Данилова, «Слово» было написано в Северо-Восточной Руси, но южнорусом (галичанином) по происхождению.²⁵

⁶ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 12—83.

⁷ Там же. С. 135—152.

⁸ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 542.

⁹ Соловьев А. В. Заметки... С. 92—102.

¹⁰ Еремин И. П. «Слово о погибели Русской земли» // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков. М., 1957. С. 351.

¹¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 107—123; Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—первая половина XIV в.). С. 433.

¹² Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли» // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8; Philipp W. Über das Verhältnis des «Slovo o pogibeli Russkoj zemli» zum «Žitie Aleksandra Nevskogo» // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin, 1957. Bd 5.

¹³ Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971. С. 79—81.

¹⁴ Ларина Т. Н. Некоторые вопросы происхождения «Слова о погибели Руския земли» // Проблемы истории СССР. 4. М., 1974.

¹⁵ Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли» как произведение художественное // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 142.

¹⁶ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Руския земли» // Укр. іст. журн. 1971. № 2.

¹⁷ Gorlin M. Le Dit... P. 106—109.

¹⁸ Еремин И. П. «Слово о погибели Руской земли». С. 351.

¹⁹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 122—123.

²⁰ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». С. 540—542.

²¹ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Руской земли». С. 243—244.

²² Philipp W. Über das Verhältnis... S. 36.

²³ Соловьев А. В. Заметки... с. 92—102.

²⁴ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Руския земли». С. 57.

²⁵ Данилов В. В. «Слово о погибели Руския земли». . . С. 139—142. С гипотезой о южнорусском происхождении автора согласился Ю. К. Бегунов (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 122—123).

Вопрос о времени написания «Слова о погибели Руския земли» связан с трактовкой его заголовка, сохранившегося только в Печерском списке («Слово о погибели Руския земли и по смерти великого князя Ярослава»²⁶), и последней фразы сохранившегося отрывка («А в ты дни болѣзнь крестияномъ от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго»). В остальном тексте нет датирующих признаков. М. Н. Тихомиров и В. Филипп, полагали, что перечень в «Слове» народов — соседей Руси — содержит намеки на внешнюю политику Ярослава и Юрия Всеволодичей в 20—30-е гг. XIII в., а отсутствие в этом перечне татар говорит о том, что они еще не были во время написания «Слова» соседями Руси.²⁷ Однако намек на внешнюю политику Юрия и Ярослава в 20—30-е гг. дает лишь основание считать, что этим князьям должно было быть уделено наибольшее внимание в недошедшей части произведения, что и без того ясно из их упоминания в последней фразе имеющегося отрывка, и не позволяет утверждать, что «Слово» не могло быть написано в конце 30—начале 40-х гг.²⁸ Отсутствие же упоминания татар в перечне вызвано тем, что речь в нем идет о народах, которые были «покорены» отцу Юрия и Ярослава, Всеволоду Большое Гнездо и его отцу и деду («... то все покорено было богомъ крестиянскому языку поганьския страны: великому князю Всеволоду, отцю его Юрию, князю Киевскому, дѣду его Володимеру и Манамаху»²⁹), т. е. во времена, когда татары, по выражению Степенной книги (присоединенному в этом памятнике к выдержке из «Слова о погибели»), еще «слухом не именовавхуся».³⁰

В отношении понятия «болезнь» из заключительной фразы «Слова о погибели» почти все исследователи были единодушны — под болезнью имеются в виду княжеские усобицы, ослаблявшие Русь начиная со времени после смерти Ярослава Мудрого («великаго Ярослава»). Споры вызывает понятие «погибель» в заголовке произведения. Трудности усугубляются тем, что заголовок при переписке его писцом Печерского списка подвергся исправлениям. Ю. К. Бегунов предположил, что в начале писец неверно переписал заглавие как «Слово о погибели Руския земли. О смерти великого князя Ярослава», затем добавил над «л» в слове «земли» полуамачту, обозначающую «и» (получилось «... земли и о смерти...»), после этого заметил, что о смерти Ярослава в тексте ничего не говорится, обратился к оригиналу и исправил начальную «омегу» в словах «о смерти» на «п», а сверху над «п» добавил «о». Первичным (содержащимся в протографе Печерского списка, где «Слово» уже было объединено с Житием Александра Невского) Ю. К. Бегуновым признавалось, таким образом, чтение «Слово о погибели Руския земли по смерти великого князя Ярослава».³¹ Т. Н. Ларина не согласилась с этим, посчитав, что посылку «по» — правка писца, то «чем она вызвана — собственными ли соображениями из-за непонимания текста или сверкой с протографом рукописи — установить невозможно».³² Но Ю. К. Бегунов отмечал, что «от себя» писец «не мог исправ-

²⁶ Цитаты из «Слова о погибели» здесь и далее даются по изд.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 154—155 (Печерский список), 155—156 (Рижский список), 156—157 (по двум спискам), 182—184 (реконструированный текст).

²⁷ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о погибели Русской земли». С. 236—241, 244; Philipp W. Über das Verhältnis... S. 36. Доводы М. Н. Тихомирова были поддержаны Т. Н. Лариной (Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 98—99).

²⁸ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 119—120.

²⁹ Представляется справедливым мнение, что это была «покорность» разной степени — для одних в виде даннической зависимости, для других — в виде признания могущества Руси (Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 107—108).

³⁰ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 21, ч. 1. С. 254.

³¹ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы... С. 31—34. Первым предложил такое прочтение В. Филипп (Philipp W. Über das Verhältnis... S. 34).

³² Ларина Т. Н. Некоторые вопросы... С. 98.

лять текст, так как очевидно, что время блестящего княжения князя Александра, сына Ярослава, описанное в следующем за „Словом“ Житии, не вызывало у писца впечатления гибели Русской земли». ³³

«Погибель Русской земли» большинство исследователей (Х. М. Лопарев, Н. К. Гудзий, А. В. Соловьев, Ю. К. Бегунов) понимают как нашествие Батюя; ³⁴ М. Н. Тихомиров полагал, что под «погибелью» имеется в виду поражение на Калке; ³⁵ В. Филипп считает, что «погибель» — это постепенное ослабление Руси после смерти Ярослава Мудрого, связанное с усобицами и нашествиями степняков; ³⁶ по мнению Б. И. Яценко, под «погибелью» имеются в виду княжеские усобицы. ³⁷ Т. Н. Ларина допускает два варианта: 1) заглавие (если принимать чтение «о смерти», а не «по смерти») вообще не имеет отношения к тексту памятника: оно было взято из другого произведения — «посмертного Слова» о Ярославе Всеволодиче; как «погибель Русской земли» была воспринята современниками смерть этого князя в 1246 г.; ³⁸ 2) «погибель» — ослабление военного потенциала страны за период после смерти Ярослава Мудрого (если принимать чтение «по смерти»). ³⁹

Прояснению вопроса может помочь рассмотрение того, как понималась «погибель Русской земли» в других памятниках древнерусской литературы. Ю. К. Бегунов, приведя ряд примеров из летописей с употреблением глаголов «губити», «погубити», пришел к выводу, что «тема гибели» появилась во второй половине XI в. (после смерти Ярослава Мудрого) и трактовалась как предупреждение князьям в связи с междоусобиями и нападениями врагов, а в «Слове о гибели» рассказывалось о самой «погибели Русской земли» от татар. ⁴⁰ Однако если о «погибели» говорится в источниках в связи с княжескими усобицами, то не менее правомерной может показаться и точка зрения на «погибель» как на междоусобные войны. Поэтому обратимся еще раз к теме «погибели Русской земли» в русской литературе XI—XIII вв., тем более что список примеров, приведенных Ю. К. Бегуновым, может быть дополнен.

«Повесть временных лет» под 1054 г. (так называемое завещание Ярослава Мудрого): «Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами, и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ. . .». ⁴¹

«Повесть временных лет» под 1095 г. (речь дружины к Владимиру Мономаху с оправданием готовящегося убийства половецкого хана Итларя): «Княже! Нету ти в томъ грѣха; да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ, губять землю Русьскую, и кровь хрестьянску проливають бесперестани». ⁴²

«Повесть временных лет» под 1095 г. (послание Святополка Изяславича и Владимира Мономаха Олегу Святославичу): «Се ты не шелъ с нама на поганяя, иже погубили суть землю Русьскую». ⁴³

Письмо Владимира Мономаха Олегу Святославичу: «Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой. . . прислалъ ко мнѣ мужъ свои и грамоту, река: „Ладимъся и смѣримся. . . а Русьскы земли не погубим“». ⁴⁴

³³ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 33.

³⁴ Лопарев Х. М. «Слово о гибели Рускяя земли». С. 16; Гудзий Н. К. О «Слове о гибели Рускяя земли». С. 541; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 102; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 118.

³⁵ Тихомиров М. Н. Где и когда было написано «Слово о гибели Русской земли». С. 241—244.

³⁶ Philipp W. Über das Verhältnis. . . S. 34—35.

³⁷ Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о гибели Рускяя земли». С. 241—244.

³⁸ Ларина Т. Н. Некоторые вопросы. . . С. 101—105.

³⁹ Там же. С. 106—107.

⁴⁰ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 116—118.

⁴¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. 1. С. 108.

⁴² Там же. С. 148.

⁴³ Там же. С. 149.

⁴⁴ Там же. С. 163—164.

«Повесть временных лет» под 1097 г. (речь князей на Любечском съезде): «Почто губим Русьскую землю, сами на ся котору деюще?»⁴⁵

«Повесть временных лет» под 1097 г. (послание Владимира Мономаха к Давыду и Олегу Святославичам по поводу ослепления Василька Ростиславича): «Поидѣта к Городцю, да поправим сего зла. . . Да аще сего не правимъ, то большее зло встанеть в нас, и начеть брат брата закалати, и погыбнеть земля Руская, и врази наши, половци, пришедше возмутъ землю Русьскую».⁴⁶

«Повесть временных лет» под 1097 г. (речь киевского посольства к Владимиру Мономаху и союзным ему князьям и ответ Мономаха): «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьские земли. Аще бо възмете рать межю собою, поганици имуть радоватися, и возмутъ землю нашу, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомъ, побарающе по Русьскѣи земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую. . . Се слышавъ Володимеръ расплакавъся и рече: „Поистинѣ отци наши и дѣди наши зблюли землю Русьскую, а мы хотим погубити“».⁴⁷

Ипатьевская летопись под 1177 г.: «Ростиславичи же, не хотяче губити Рускоя земли и крестьяньской крови проливати, сгадавшѣ даша Киевъ Святославу».⁴⁸

Ипатьевская летопись под 1240 г. сообщает, что пленный киевский тысяцкий Дмитр посоветовал Батыю идти в Венгрию, «видѣ бо землю гибнущу Рускую от нечестивого».⁴⁹

Из этого перечня видно, что авторы произведений, в которых наличествует тема «погибели Русской земли», употребляют в разных формах глаголы «губити», «погубити», «погибнути», «гибнути», но ни разу — существительное «погибель». Исходя из приведенных данных, можно говорить о присутствии в летописях не темы «погибели Русской земли», а темы «возможной гибели Русской земли». Примечательны в этом плане «послание» Владимира Мономаха Давыду и Олегу Святославичам и «речь» киевского посольства к Мономаху, где предсказывается, как совершится эта «погибель»: княжеские усобицы («зло», «рать») приведут к тому, что «поганые» «возьмут землю Русскую».

Тема «свершившейся гибели» появляется только в произведении, оценивающем последствия Батыева нашествия — «Поучении» Серапиона Владимирского. Серапион, пользуясь библейскими сюжетами, говорит о «погибели», посланной богом на Русь за людские грехи: «Слышимъ бо Ниневгю град: бывше великим множеством людем, полнъ же безаконья. Богу же хотящу потребити, аки Содома и Гомора, Иону пророка посла, да проповѣдаеъ погибель града их. Они же, слышавше, не пождаша, но скоро премѣнишася от грѣхъ своих. . . И умолиша господа, и томление от него свободишася, ярость божию премѣниша на милосердые и погибель избыша. . . Мы же что о сихъ речемъ? Чего не видѣхомъ? Чего ли ся над нами не створи?»; «Видѣвъ наша безаконья умножившася. . . наведе <бог> на ны языкъ немилостивъ, языкъ лютъ, языкъ, не щадящъ красы уны, немощи старецъ, младости дѣтии. . . Разрушены божественныя церкви, осквернены быша ссуди священници и честныя кресты и святыя книги,

⁴⁵ Там же. С. 170.

⁴⁶ Там же. С. 174.

⁴⁷ Там же. С. 174—175. Заметим, что фрагменты «Повести временных лет» с «темой гибели» связаны, скорее всего, не с одним автором. «Завещание» Ярослава, по схеме А. А. Шахматова, перешло в «Повесть временных лет» из Начального свода конца XI в. (см.: Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. XVI, 204); второй и третий фрагменты из статьи 1097 г. относятся к «Повести Василия об ослеплении Василька Ростиславича», носящей вставной характер (см.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 274—279).

⁴⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 605.

⁴⁹ Там же. Стб. 786.

потоптаны быша святыя мѣста. . . святители мечю во ядь быша, плоти преподобныхъ мнихъ птицамъ на снѣдь повержени быша, кровь и отецъ, и братья наша, аки вода многа, землю напои, князии нашихъ воеводе крѣпость ищезе, храбрии наша, страха наполънешася, бѣжаша, множайша же братья и чада наша въ плѣнъ ведени быша, гради многи опустѣли суть, села наша лядиною поростоша, и величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ в корысть бысть, трудъ нашъ погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменникомъ в достояние бысть, в поношение быхомъ живущимъ въскраи земля наша, в посмѣхъ быхомъ врагомъ нашимъ, ибо сведохомъ собѣ, аки дождь съ небеси, гнѣвъ господень!»; «Моисѣви что рече богъ: „Аще злобою озлобите вдовицю и сироту, взопьютъ ко мнѣ, слухомъ услышу вопль ихъ, и разгнѣваюся яростью, погублю вы мечемъ“. И ныне збысться о насъ реченое: не отъ меча ли падохомъ?»⁵⁰

Наиболее вероятно, такимъ образомъ, что авторъ «Слова о погибели», следуя литературной традиции (нашедшей позже продолжение у Серапиона), под «погибелью Русской земли» могъ иметь в виду только катастрофическое разорение Руси в результате Батыева нашествия. Маловероятно, чтобы под «погибелью» имелась в виду битва на Калке, не повлекшая за собой разорения Русской земли, или усобицы, поскольку последние расценивались в древнерусской литературе какъ явление, лишь могущее привести къ «погибели», но не какъ сама «погибель». Нетъ оснований понимать под «погибелью» ослабление военного потенциала Руси или смерть Ярослава Всеволодича — событие несравненно менее губительное для Руси, чемъ нашествие 1238—1240 гг.⁵¹ «Погибель» — татарское разорение — не тождественна, такимъ образомъ, «болезни» — усобицамъ, сделавшимъ это разорение возможнымъ.⁵² Скорее всего, заголовкомъ «Слова о погибели» авторъ хотелъ подчеркнуть, что предупреждение Ярослава Мудрого («Аще ли будете ненавидно живуще, в распрахъ и которающася, то погыбнете сами, и погубити землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ») сбылось, поэтому и счелъ необходимымъ упомянуть в заголовке об этомъ князе: «Слово о погибели Рускыя земли по смерти великого князя Ярослава» — т. е. путь къ «погибели» начался после времени Ярослава, в результате того, что потомки не придерживались его завета, жили в «распрахъ и которахъ» («болезнь»), которые (несмотря на сохранение могущества Русской земли при Владимире Мономахе, его сыне и внуке, описанного в «Слове») в конце концовъ черезъ два века привели къ «погибели».

В заключительной фразе «Слова о погибели» младший изъ двухъ братьевъ Всеволодичей Ярославъ названъ впереди старшего Юрия («и до нынѣшняго Ярослава, и до брата его Юрья, князя Володимерьскаго»). Фактъ этотъ примечателен, поскольку древнерусская литература строго придерживалась

⁵⁰ Памятники литературы Древней Руси: XIII век. М., 1981. С. 446, 448. Тема «погибели» (с четырехкратнымъ упоминаниемъ существительного «погибель») имеется также в «Повести о разорении Рязани Батыемъ», на что обращалъ внимание А. В. Соколовъ (С о л о в ъ в А. В. Заметки. . . С. 114), но в тексте, который, возможно, записанъ только в XV в. (см.: Л и х а ч ъ в Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII веков. Л., 1983. С. 268—273).

⁵¹ Предположение Т. Н. Лариной о томъ, что заглавие «Слова о погибели» взято изъ другого произведения — о смерти Ярослава Всеволодича — неубедительно еще и потому, что нетъ серьезныхъ оснований предполагать какъ существование такого произведения, такъ и причин перенесения его заглавия на другую памятникъ.

⁵² Исследователемъ, считавшимъ, что «болезнь» — не княжеские усобицы, а нашествие Батыя, былъ Н. К. Гудзий. Онъ предположилъ, что в конце «Слова о погибели» не одна фраза, а две: «А в ты дни болезнь крестияномъ и незаконченная — «Отъ великого Ярослава и до Володимера» и т. д., после которой должна была идти речь о томъ, «что было на Руси при перечисленныхъ князьяхъ до Батыева нашествия и что претерпела Русская земля, когда Батый вторгся в нее со своими полчищами» (Г у д з и й Н. К. О «Слове о погибели Рускыя земли». С. 541). Но о состоянии Руси при прежнихъ князьяхъ (Владимире Мономахе, Юрии Долгорукомъ и Всеволоде Большое Гнездо) уже шла речь выше, поэтому такое предположение не кажется убедительнымъ.

в подобных случаях феодального этикета, требующего упоминания старших братьев раньше младших при перечислении.⁵³ Что касается Ярослава и Юрия, то они в летописных известиях часто упоминаются рядом, и почти во всех случаях первым назван Юрий.⁵⁴ В рассказе о битве на Липице 1216 г. в НЛ, однако, имеется исключение: «И ста Ярославъ и Гюрги съ братьею на рѣче Хзѣ».⁵⁵ Но вызвано это, скорее всего, тем, что Ярослав был зачинщиком усобицы и первоначально его тесть Мстислав Мстиславич с союзниками вели военные действия только против него; Юрий же с третьим братом, Святославом, присоединился к Ярославу перед решающей битвой.⁵⁶ В пользу этого говорит и форма единственного числа — «ста» вместо множественного «стапа», если бы речь шла о Ярославе, Юрии и «братьи», или двойственного «стаста», если бы «братья» не принималась в расчет и имелись бы в виду Ярослав и Юрий: единственное число говорит о том, что на Гзе «стал» Ярослав, а «Гюрги с братьею» присоединились к нему.

Нарушение этикета в «Слове о погибели» требует, таким образом, объяснения. Иногда его объясняют тем, что во время написания «Слова» Юрия уже не было в живых и Ярослав был великим князем Владимирским.⁵⁷ Однако в этом случае необъяснимо именование «князем Владимирским» Юрия⁵⁸ (при отсутствии титулования Ярослава) — оно правомерно лишь в случае, если Юрий так назван в отличие от Ярослава. Другой возможный вариант может быть сведен к тому, что Ярослав был назван впереди Юрия, потому что занимал место в княжеской иерархии, которое могло рассматриваться как более высокое. Временем, когда Ярослав занимал такое место, мог быть только период его киевского княжения.

Киевский стол в 30-е гг. XIII в. в значительной степени потерял свое былое значение, но автор «Слова о погибели», по-видимому, считал его высшим столом на Руси — Юрий Долгорукий подчеркнuto назван им «князем Киевским» (отцом его Юрию, князю Киевскому), хотя Киевом он владел в общей сложности только около четырех лет. Но есть ли основания считать, что если младший брат занимал киевский стол, это давало право называть его при перечислении впереди старшего? Случаи, когда у киевского князя были живые старшие родные братья, очень редки. Только в одном из таких случаев встречается упоминание таких братьев рядом. В 1149—1150 гг. Юрий Долгорукий княжил в Киеве. Его старший брат Вячеслав в это время владел Пересопницей (в западной части Киевской земли).⁵⁹ Юрий и Вячеслав много раз упоминаются рядом, и в большинстве случаев Вячеслав, как старший, стоит первым.⁶⁰ Но дважды первым назван Юрий: «. . . князь же Дюрги съ братомъ своимъ Вячеславомъ и съ всеми дѣтьми своими поидоша к Лючьску»;⁶¹ «. . . бысть же имъ вѣсть, оже идетъ князь Дюрги съ братомъ своимъ Вячеславомъ».⁶²

Но согласуются ли между собой вывод о «погибели» как нашествии Батыя и предположение о написании «Слова о погибели» в период киев-

⁵³ Младшие братья могли упоминаться раньше, если речь шла об их действиях по отношению к старшим; но при простом перечислении они всегда упоминались позже.

⁵⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Стб. 437—438, 440, 444, 455—456; Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее — НЛ). М.; Л., 1950. С. 57, 59, 64

⁵⁵ НЛ. С. 56, 256.

⁵⁶ Там же. С. 55—56, 254—256. Рассказ НЛ о Липицкой битве признается первичным по отношению к более пространному рассказу летописей, восходящих к так называемому новгородско-софийскому своду 1448 г. (см.: Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 110—111).

⁵⁷ Еремин И. П. «Слово о погибели Русской земли». С. 351; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 94; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 121.

⁵⁸ Об этом справедливо писал Б. И. Яценко (Яценко Б. И. Деколиписание «Слово о погибели Руския земли». С. 56—58).

⁵⁹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 323, 326; Т. 2. Стб. 386.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 387—388, 391—392, 394 (всего 8 случаев).

⁶¹ Там же. Стб. 388; Т. 1. Стб. 324.

⁶² Там же. Т. 2. Стб. 389.

ского княжения Ярослава? Б. И. Яценко, исходя из этого последнего предположения, датирует написание «Слова» осенью 1235 г. При этом он, вскользь отметив известия о вокняжении Ярослава в Киеве Новгородской четвертой,⁶³ Московской Академической и Ипатьевской летописей, опирается на текст «Истории Российской» В. Н. Татищева, где говорится, что Ярослав вокняжился в Киеве в 1235 г., а в 1236 г. в Киеве сел Изяслав Мстиславич Смоленский.⁶⁴ Такая «выборочность» в привлечении летописных известий вряд ли оправдана; постараемся рассмотреть вопрос о киевских событиях 1235 и последующих годов, исходя из всего сохранившегося летописного фонда.

Большинство летописей, содержащих известия о южнорусских событиях этого времени (НІЛ, СІЛ, НІУЛ, Московско-Академическая, Ермолинская, Никаноровская, Московский свод конца XV в., Симеоновская, «Летописец от 72-х язык», Вологодско-Пермская, Тверской сборник, Воскресенская, Холмогорская), дают одну и ту же последовательность и хронологию событий: в 6743 (1235) г. Михаил Всеволодич Черниговский и Изяслав Мстиславич, взявший себе в союзники половцев, взяли Киев. Киевский князь Владимир Рюрикович попал в плен к половцам, но вскоре был ими отпущен за выкуп «в Русь». В Киеве вокняжился Изяслав Мстиславич. В 6744 (1236) г. в Киеве сел Ярослав Всеволодич, пришедший из Новгорода, а в Новгороде сел его сын Александр. Об оставлении Ярославом Киева эта группа летописей не говорит ничего.⁶⁵ В НІЛ и Тверском сборнике события излагаются подробно: рассказывается о предшествовавшей захвату Киева войне Михаила и Изяслава с Владимиром Рюриковичем и его союзником Даниилом Романовичем Галицким в Черниговской земле, сообщается, что после овладения Киевом Михаил захватил Галич и вокняжился там.⁶⁶

В НУЛ также говорится о захвате Михаилом и Изяславом в 6743 г. Киева и пленении Владимира Рюриковича, но сообщение о вокняжении Ярослава оказалось здесь поставлено в конце статьи 6743 г., вместо известия о вокняжении там Изяслава. Таким образом, в НУЛ имеет место сокращение изложенной выше версии событий (с частью летописей, представляющих ее, НУЛ генетически связана⁶⁷), приведенное к тому, что исчезла статья 6744 г.: после сообщения о вокняжении Ярослава в НУЛ сразу же начинается рассказ о событиях 6745 г.⁶⁸

Известие о вокняжении Изяслава Мстиславича в Киеве в 6744 г. встречаем только в Никоновской летописи. Согласно ее рассказу, в 6743 г. Киев брали не только Изяслав и Михаил, но и Ярослав Всеволодич, после чего Ярослав сел в Киеве, а в 6744 г. в Киеве сел Изяслав Мстиславич.⁶⁹ Появление такой версии может быть объяснено только как попытка согласовать известия двух разных источников Никоновской летописи. Главными ее источниками были Симеоновская (излагающая события 1235—

⁶³ Автор ошибочно пишет, что НІУЛ датирует вокняжение Ярослава в Киеве 1235 г.; в действительности — 1236 г. (ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 214).

⁶⁴ Татищев В. Н. История Российская. М., Л., 1964. Т. 3. С. 230; Т. 4. С. 372; см.: Яценко Б. И. Де і коли написане «Слово о погибели Рускыя земли». С. 59—60.

⁶⁵ НІЛ. С. 74, 285; ПСРЛ. Л., 1925. Т. 5, вып. 1. С. 210; Пг., 1915. Т. 4, ч. 1, вып. 1. С. 214; Т. 1, Стб. 513; СПб., 1910. Т. 23. С. 74; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 42; М.; Л., 1949. Т. 25. С. 126; СПб., 1913. Т. 18. С. 54; М.; Л., 1963. Т. 28. С. 52, 210; М.; Л., 1959. Т. 26. С. 70—71; М., 1965. Т. 15. Стб. 363—364; СПб., 1856. Т. 7. С. 138; Л., 1977. Т. 33. С. 66.

⁶⁶ НІЛ. С. 74, 285; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 363—364.

⁶⁷ См.: Лурье Я. С. Генеалогическая схема летописей XI—XVI вв., включенных в «Словарь книжников и книжности Древней Руси» // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 196.

⁶⁸ ПСРЛ. Пг., 1917. Т. 4, ч. 2, вып. 1. С. 208.

⁶⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 104.

1236 г. в соответствии с первой версией) и НВЛ.⁷⁰ НВЛ сообщала о вокняжении Ярослава в статье 6743 года (сразу же после рассказа о взятии Михаилом и Изяславом Киева), поэтому составитель Никоновской летописи сделал его участником южнорусской уособицы (это объясняло, почему именно Ярослав сел в Киеве после поражения Владимира Рюриковича). В то же время в Симеоновской упоминалось о вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича, и это известие также было воспроизведено в Никоновской, но оказалось переставлено из 6743 в 6744 год. Никоновская летопись входила в число источников В. Н. Татищева,⁷¹ и, по-видимому, именно из нее известие о вокняжении Изяслава Мстиславича в 1236 г. попало в «Историю Российскую». Таким образом, версию об уходе Ярослава из Киева в 1236 г. и о вокняжении там Изяслава Мстиславича следует признать поздней летописной конструкцией.

Особое место занимает рассказ Ипатьевской летописи,⁷² в котором с детальной подробностью излагаются перипетии междоусобной войны в Южной Руси. Отличия этого рассказа от первой версии (назовем ее условно «новгородской») в хронологии событий и порядке смены князей на киевском столе сводятся к следующему: 1) сказано, что Ярослав отнял Киев у Владимира Рюриковича, а затем ушел в Суздальскую землю, после чего Киевом овладел Михаил Всеволодич («И потом приде Ярославъ Суждальскыи и взя Киевъ подъ Володимеромъ, не мога его держати, иде паки Суждалю, и взя под нимъ Михаилъ, а Ростислава, сына своего, остави в Галичи; и отъisha от Данила Перемышль»⁷³); 2) о захвате Киева и Галича и пленении Владимира Рюриковича в Ипатьевском списке говорится под 6742 г., а о вокняжении и уходе Ярослава — под 6743 г. Это последнее, однако, не дает оснований ни датировать вокняжение Ярослава в Киеве 1235 годом, ни относить его уход с Киевского стола к тому же году, в котором он стал киевским князем. Галицко-Волинская летопись (к которой относится часть Ипатьевского свода, содержащая рассматриваемые известия) представляет собой повествование, в котором первоначально не было погодной сетки; проведенная позднее (составителем Ипатьевского списка начала XV в.) разбивка на даты во многом условна; летописцы по ходу изложения затрагивали как более ранние, так и позднейшие события.⁷⁴ Один из составителей летописи замечал по поводу своих принципов изложения, что «Хронографу же нужна есть писати все, и вся бывшая, овогда же писати в передняя, овогда же воступати в задняя. Чьтвы мудрыи разумѣть. Число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, в задняя впишемъ. . . Вся же лѣта спишемъ, роцетъше во задняя».⁷⁵ В Хлебниковском и Погодинском списках Ипатьевской летописи интересующие нас статьи даны без абсолютной хронологии: вместо «В лѣто 6742» и «В лѣто 6743» стоит «в тож время».⁷⁶ Поскольку уособица, закончившаяся захватом Михаилом и Изяславом Киева и Галича, во всех других летописях датируется 6743 г., то южнорусские события, изложенные в Ипатьевской далее (включая известие о Ярославле), следует отнести к более позднему времени. Верхней датой здесь является рассказ о первом нападении татар на южную Русь, закончившемся взятием Переяславля и Чернигова: эти события имели место, как свидетельствуют другие русские и иностран-

⁷⁰ См.: К л о с с Б. Н. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 25—29, 32—43.

⁷¹ Т и х о м и р о в М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Т а т и щ е в В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 47.

⁷² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 771—778.

⁷³ Там же. Стб. 777.

⁷⁴ См.: Ч е р е п н и н Л. В. Летописец Даниила Галицкого // ИЗ. М., 1941. Т. 12. С. 230—232; ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. IV—V.

⁷⁵ Там же. Стб. 820.

⁷⁶ Там же. Стб. 774, 778, примеч.

ные источники, в 1239 г.⁷⁷ Между рассказом об усобице 1235 г. и этими известиями Ипатьевская летопись излагает события явно не одного года; об этом говорит наличие относительной хронологии: сначала «лѣту же наставшу», потом вновь «лѣту же наставшу», затем «тое же осени», затем «веснѣ же бывши».⁷⁸ Известие о пребывании Ярослава в Киеве — предпоследнее в этом ряду: после него рассказывается только об отвоевании Даниилом Галича у сына Михаила Всеволодича Ростислава.⁷⁹

Два из известий, помещенных перед известием о Ярославе, могут быть точно датированы. Летопись говорит о взятии Даниилом Романовичем русского города, в котором обосновались немецкие крестоносцы.⁸⁰ Из польских источников известно, что князем Конрадом Мазовецким был пожалован крестоносцам во главе с Бруно русский город Дорогичин 8 марта 1237 г.⁸¹ Даниил, по летописи, разбил крестоносцев в марте («приаства град месяца марта, старѣшину ихъ Бруна яша и вои изоимаша»⁸²), т. е., очевидно, в том же году. Непосредственно перед сообщением о Ярославе помещено известие о визите Даниила и его брата Василька к венгерскому королю,⁸³ во время которого, получив весть о войне, начатой германским императором против австрийского герцога, Даниил и Василько хотели двинуться на помощь последнему, но король отговорил их, и они вернулись в свою землю.⁸⁴ Наступление императора Фридриха II на Фридриха Австрийского произошло зимой 1236/37 г.⁸⁵ Известие о Ярославе, помещенное следом, нужно, таким образом, отнести ко времени не ранее весны 1237 г. Но датировка вокняжения Ярослава в Киеве 6744 (1236) мартовским годом верна — она проверяется сопоставлением хронологии статей НЛ старшего извода и Лаврентьевской летописи.⁸⁶ Поэтому, вероятнее всего, известие о Ярославе содержит припоминание более раннего события (вокняжения Ярослава в Киеве) в связи с помещением в летопись более позднего (уход его с киевского стола), и вводное слово «потом», определяющее относительную хронологию по отношению к приведенным выше известиям, связано по смыслу со словами «иде пакы Суждалю», а не со словами «приде. . . и взя Киевъ».⁸⁷ Иначе говоря, временем не ранее весны 1237 г. датируется оставление Ярославом Киева.

⁷⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 469; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 37. Перед этими известиями в Ипатьевской летописи рассказ о нашествии Батгя на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 г. Этот рассказ носит вставной характер (см.: Пашуто В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950. С. 43—44, 55, 82) и соединен с южнорусскими событиями 1239 г. постольку, поскольку связан с ними одной темой — наступлением татар; поэтому нельзя утверждать, что среди южнорусских известий, помещенных перед этим рассказом, не может быть известий о событиях конца 1237—1238 г.; это возможно, так как южнорусские события, помещенные после описания разорения Северо-Восточной Руси, все относятся к 1239 г.

⁷⁸ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 775—776.

⁷⁹ Там же. Стб. 777—778.

⁸⁰ Там же. Стб. 776.

⁸¹ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 258, 351.

⁸² ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 776.

⁸³ Этот визит не может быть визитом 1235 г., во время которого Даниил участвовал в коронации короля Белы IV (см.: Пашуто В. Т. Внешняя политика. . . С. 257, 351); этот последний произошел сразу же по оставлении Даниилом Галича и в Ипатьевской летописи упоминается после рассказа об усобице (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 774), датируемой всеми другими летописями 6743 (1235) годом.

⁸⁴ Там же. Стб. 776—777.

⁸⁵ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика. . . С. 258—259.

⁸⁶ См.: Бережков Н. Г. Хронология русского летоисчисления. М., 1963. С. 91, 104, 109, 262—266, 270. В НЛ сообщение о вокняжении Ярослава в Киеве датируется тем же годом, что и завоевание татарами Волжской Болгарии (НЛ. С. 74), а по Лаврентьевской летописи завоевание Болгарии произошло в том же году, что и затмение солнца (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 460), которое точно датируется 3 августа 1236 (6744 мартовского) года.

⁸⁷ То, что известие о Ярославе в Ипатьевской летописи стоит «на своем месте» в системе относительной хронологии, видно из того, что после него говорится о войне Даниила за Галич с Ростиславом Михайловичем, в то время как в вышеприведенном

Особую версию событий встречаем в украинской Густынской летописи (первая половина XVII в.). Здесь захват Киева Михаилом и Изяславом датируется 1235 г., Ярославом — 1236 г. Под тем же годом говорится, что Владимир Рюрикович «изшедь из Половецъ, изгна Ярослава Всеволодича съ Киева, а самъ сяде въ немъ на княжении; но непомнозъ изгна его паки Михаилъ Всеволодичъ Чернѣговский, и сяде въ немъ самъ на княжении, а Ростислава сына своего посади въ Галичи». ⁸⁸ Сравнение текста Густынской летописи за 1235—1236 гг. с более ранними летописями показывает, что в ней соединен текст Ипатьевской летописи (сокращенный) ⁸⁹ с текстом пространного варианта «новгородской» версии, очень близким к тексту, читаемому в Тверском сборнике: ⁹⁰

Густынская летопись

В лѣто 6743 (1235). Князи Руские заратишася со собою, и собрася Володымеръ Руриковичъ съ Кияны, и Данило Романовичъ зъ Галичанъ, и пойдоша на Чернѣговъ на Михаила Всеволодича Черного ку Чернѣгову; Михаил же имѣ со собою Изяслава Мстиславича Храбраго, иже абие егда услыша о сей брани, абие побѣже по Половци, а Володымеръ со Даниломъ обступиша Михаила Всеволодича и не могоша града взяти, токмо посадъ взяша и пожгоша, и около Чернѣгова поплѣниша. Князь же Михаилъ сотвори нѣкую прелесть: изыде изъ града и поби многое множество Галичанъ; Володымеръ же видя сию победу и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, поиде со Даниломъ Романовичомъ и сяде въ Киевѣ. И негодѣ бысть сего зла: егда бо приведе Изяславъ Мстиславичъ Половцовъ, тогда пойдоша всѣ, си есть, Михаилъ и Изяславъ и Половци, ку Киеву, на Володымера и Данила. . . (далее текст, близкий к Ипатьевской). . . и потом пойдоша всѣ ку Киеву и взяша его, и многа зла сотвориша Кияномъ, а Володымерову жону и дѣти отдаша Половцомъ. Половци же много поплѣнившѣ и зла сотворише около Киева, поведоша Володымера Киевского, со женою и дѣтми, во свою землю; но потомъ искупися от нихъ Володымеръ. А въ Киевѣ сяде Изяславъ Мстиславичъ. . . а Михаилъ Всеволодичъ Чернѣговский сяде въ Галичу.

В лѣто 6744 (1236). Ярославъ Всеволодичъ, брат Юрия Московского, собрася со великою силою и прииде ку Киеву, и согна съ Киева Изяслава Мстиславича,

Тверской сборник

В лѣто 6743. Не хотя исперва океанный и всепагубный диваоль роду челоувѣческому добра, въздвиже крамолу межи Рускими князи. . . Поиде князь великий Володымеръ Руриковичъ съ Кияны и Данило Романовичъ, Василковъ братъ, зятя великого князя Юрия Всеволодича, съ Галичанъ на князя Михаила Всеволодича Чръного, (пра)внука Ольгова, къ Чернигову, а Изяславъ бѣжа въ Половци, и много воева Владимиръ около Чернигова, и посадъ пожже; а князь Михайло выступи ис Чернигова, и створи прелесть на Данилѣ Романовичи, и много би Галичанъ, и бес числа; Данило же едва уйде, а Володымеръ пришедь, опять сѣде въ Киевѣ. И не (ту) бы того досыти зла, ко прииде Изяславъ съ погаными Половцы, въ силѣ тяжкѣ и князь Михайло Всеволодичъ съ Черниговци подъ Киевъ, и взяша Киевъ; а великого князя Володымера Половци емше и княгиню его поведоша въ землю свою, и много зла створиша Кияномъ; а князь Михайло Черниговский сидѣ въ Галичи, а Изяславъ въ Киевѣ. И опять пустиша Половци великого князя Володымера, вземше на немъ окупъ, и княгиню его. . . А въ Киевѣ сидѣ князь великий Изяславъ Мстиславичъ храброго, внук Романовъ Ростиславича Смоленского. . .

В лѣто 6744. Поиде князь Ярославъ Всеволодичъ, внук Юриевъ Владимирчъ Манахова, изъ Новагорода на Киевъ, на столь, пойма съ собою новгородци. . .

рассказе о попытках Данила отвоевать Галич его противником является сам Михаил — как раз в известии о киевском княжении Ярослава упоминается о посадении Михаилом в Галиче вместо себя сына. Что касается известия о том, что Ярослав взял Киев «под Володымером», то оно не противоречит «новгородской» версии: ни в одной из летописей, излагающих ее, не назван князь, которого сменил Ярослав на киевском столе. Учитывая большую осведомленность Галицко-Волынской летописи в южно-русских делах, можно полагать, что Владимир Рюрикович через некоторое время после возвращения из половецкого плена вернул себе на короткий период Киев, и Ярослав сменил на киевском столе действительно этого князя.

⁸⁸ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 338.

⁸⁹ Ср.: Там же. С. 337—338; М., 1962. Т. 2. Стб. 773—777.

⁹⁰ Текст, близкий к Тверскому сборнику, читается в Густынской летописи также под следующими годами (в скобках называем известия, которые не встречаются нигде, кроме Тверского сборника и Густынской летописи): 988 (об отречении Владимира

а самъ сяде на княжении Киевскомъ. . . И пришедь сѣде въ Киевѣ на столѣ.⁹² (далее текст, близкий к Ипатьевской, в том числе известие о смене Ярослава на киевском столе Владимиром Рюриковичем).⁹¹

Составитель Густынской летописи следовал датировке Тверского сборника и в соответствии с ней разделил текст Ипатьевской: извлечения из него о междоусобной войне поместил под 1235 г., сообщение о Ярославе — под 1236 г., а сообщение об отвоевании Даниилом Галича — под 1237 г.⁹³ Появление в Густынской летописи известия о вокняжении после Ярослава Владимира Рюриковича явно связано с перечнем киевских князей, помещенным в начале Ипатьевской летописи, где княжение Владимира указано после княжения Ярослава.^{93а} Возможно, что это указание неверно, поскольку перечень содержит немало ошибок (Ярослав следует сразу за погибшим на Калке Мстиславом Романовичем, не названы Изяслав Мстиславич, Михаил Всеволодич и т. д.). Но не исключено, что действительно имело место кратковременное княжение Владимира в Киеве после ухода Ярослава и до прихода из Галича Михаила.⁹⁴ Но в любом случае нет оснований

от Рогнеды и ее пострижения, об исцелении Ярослава), 990 (о разрушении идола Велеса в Ростове со ссылкой на Житие Авраамия Ростовского), 1016, 1201, 1202, 1203, 1204, 1206, 1207, 1208 (о трехнедельной осаде Всеволодом Черным Владимира Рюриковича в Переяславле — все другие летописи говорят об осаде Всеволодом Рюрика Ростиславича в Киеве), 1209, 1211, 1213, 1219, 1221, 1222, 1224, 1225, 1226 (о женитьбе Василька Романовича на дочери Юрия Всеволодича), 1228, 1230, 1233, 1239 (перечень епископов Переяславля Русского после сообщения о взятии города татарами), 1240, 1241, 1249 (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 258, 262—263, 327—336, 338—339, 341; Т. 15. Стб. 112—114, 135—136, 290—294, 303—304, 306—310, 313—315, 326, 332, 334—343, 346—347, 354, 360, 363—364, 373—375, 395—396). Вероятнее всего, именно Тверской сборник был главным после Ипатьевской летописи русским источником Густынской (в части до XIV в.). Вероятность этого подкрепляется украинским происхождением обоих полных списков Тверского сборника — Погодинского и Забелинского, их датировкой первой половиной XVII в. (время составления Густынской летописи), отмеченным А. А. Шахматовым фактом влияния Тверского сборника на начальные статьи украинского Хлебниковского списка Ипатьевской летописи XVI в., свидетельствующим об известности Тверского сборника в Южной Руси (см.: ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. С. X; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 139—140). Обычно вторым по значению русским источником Густынской летописи вслед за В. С. Иконниковым называют Воскресенскую летопись (см., например: Мыцык Ю. А. Украинские летописи XVII в. Днепропетровск, 1978. С. 12). Однако статьи Густынской летописи в части до XIV в., которые В. С. Иконников считал восходящими к Воскресенской (за 868, 988, 990, 1114, 1116 гг.; см.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 1523), в действительности ближе текстуально к Ипатьевской (868, 1114, 1116) или Тверскому сборнику (988, 990) (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 238, 258, 262—263, 290—291; М., 1962. Т. 2. Стб. 16, 277, 282—284; Т. 15. Стб. 112—114; Т. 7. С. 23—24, 269, 311—313). Неосновательно и предположение В. С. Иконникова о связи статей Густынской 846 и 1225 гг. с Троицкой летописью; текст Густынской за 846 г. не имеет индивидуальных параллелей с Троицкой, а известие 1225 г. о поставлении митрополита Кирилла есть и в других летописях, в том числе в Тверском сборнике (см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 235, 335; Приселков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 57; ПСРЛ. Т. 15. Стб. 335).

⁹¹ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 337—338.

⁹² ПСРЛ. Т. 15. Стб. 363—364. Сходный текст есть в НЛ (с. 74, 285). Но только из чтения Тверского сборника (отсутствующего в НЛ) — Изяслав Мстиславичъ храброго, внук Романовъ Ростиславича Смоленского) — составитель Густынской мог произвести прозвище Изяслава «храбрый». Другие же летописи, представляющие «новгородскую» версию, дают лишь краткое сообщение: «в лѣто 6743. Пришедь князь Изяславъ Мстиславичъ с половци, а Михаилъ князь с Черниговци, сынъ Всеволожь, и взяша Киевъ. И князь Володимиръ Рюриковичъ княживъ гу 10 лѣтъ. И ише половци его, сведоша в землю свою. И оттолѣ ваяша искупъ на немъ и опустыша и въ Русь. И Изяславъ князь великий Мстиславичъ сѣде на столѣ в Киевѣ. В лѣто 6744. Сѣде на столѣ в Киевѣ князь великий Ярославъ Всеволодичъ» (ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. Вып. 1. С. 210, в других летописях — то же с незначительными расхождениями).

⁹³ ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 337—338.

^{93а} ПСРЛ. М., 1962. Г. 2. Стб. 2.

⁹⁴ Учет общей политической ситуации в Южной Руси этого времени позволяет оценить такое предположение как вероятное. Ярослав вряд ли действовал на юге в оди-

сомневаться в датировке ухода Ярослава из Киева временем не ранее весны 1237 г., поскольку Густынская летопись датирует его 1236 г., основываясь на датировке Тверского сборника; известие о вокняжении Ярослава дано в Густынской по Тверскому сборнику, а из текста Ипатьевской взято только известие об оставлении Ярославом Киева: поскольку в Ипатьевской об обоих этих событиях говорится вместе, составитель Густынской отнес их к одному году, тому, которым обозначено вокняжение Ярослава в Тверском сборнике — 1236.

Верхняя дата оставления Ярославом Киева определяется временем его вокняжения во Владимире — 1238 г., после разгрома татарам Северо-Восточной Руси.⁹⁵ О действиях Ярослава в начале 1238 г., во время нашествия, ничего неизвестно. Только летописная повесть о «Батыевом побоище» Лаврентьевской летописи указывает, что Юрий Всеволодич, став на р. Сити, «ждучи к собѣ брата своѣго Ярослава с полки и Святослава с дружиною своею».⁹⁶ Если верна точка зрения Г. М. Прохорова о позднем сложении повести Лаврентьевской летописи и малой ее достоверности по отношению к рассказам НІЛ и Ипатьевской,⁹⁷ то это известие можно признать не соответствующим действительности (в НІЛ и Ипатьевской его нет). Если все же считать его достоверным, то обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Святослав, княживший в Юрьеве-Польском, присоединился (согласно Лаврентьевской повести) к Юрию, Ярослав нет. Между тем, если бы он находился в Переславле-Залесском, центре удела, полученного от отца, этот факт был бы трудно объяснить, так как от Переяславля до Сити ближе, чем от Юрьева. Переяславль был взят татарами, летописи (не только Лаврентьевская) говорят об этом, опять-таки не упоминая Ярослава.⁹⁸ Таким образом, вне зависимости от степени достоверности сообщения Лаврентьевской летописи можно полагать, что во время нашествия татар Ярослава в Северо-Восточной Руси не было. Остаются два варианта определения места, из которого он пришел на Владимирский стол в 1238 г. — Киев, в котором Ярослав вокняжился в 1236 г., и Новгород, из которого он ушел в Киев, посадив вместо себя сына Александра. В пользу обоих вариантов имеются прямые летописные известия, но содержатся они в поздних летописях. Сокращенные летописные своды конца XV в. (1493 и 1495 гг.), Русский Хронограф 1512 г., Устюжская летопись, Никоновская летопись и Степенная книга (XVI в.) указывают, что Ярослав в 1238 г. пришел во Владимир из Новгорода.

ночку, опираясь только на свой «двор» (новгородцы и новоторжцы, пришедшие с Ярославом в 1236 г. в Киев, через неделю были им отпущены; см.: НІЛ. С. 74, 285). В 1239 г., когда Ярослав вновь вмешался в южнорусские дела, у него были союзнические отношения с Даниилом Романовичем (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 782—783). Владимир Рюрикович в 1235—1236 гг. был союзником Даниила. Возможно, Ярослав занял киевский стол по соглашению с этой коалицией князей (из-за того, что Владимир, вернувшись из половецкого плена и вновь занявший Киев, не мог его удержать в одиночку, в условиях, когда угроза исходила ему не только с востока, из Чернигова, но и с запада, из Галича, где обосновался Михаил). Ипатьевская летопись упоминает о пребывании Владимира (после возвращения из плена) у торков (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 775). Не исключено, что в 1236 г. было установлено нечто вроде дуумвирата конца XII столетия — Ярослав владел Киевом, в Владимир — Киевской землей. Когда же Ярослав оставил Киев, он мог передать его Владимиру обратно (указание Густынской летописи, что Владимир «изгна» Ярослава из Киева, не может быть признано отражающим действительные отношения между этими князьями, так как применение формулировки «изгна» или «согна» при сообщении о смене князей на том или ином столе — особенность составителя Густынской летописи; см.: ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 330, 333, 337—338). Уход Ярослава изменил соотношение сил, и Михаил, оставив в Галиче Ростислава, быстро занял Киев, а перейдя в наступление против Даниила в Юго-Западной Руси, — и Перемышль.

⁹⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 467.

⁹⁶ Там же. Стб. 461.

⁹⁷ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28.

⁹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 464; НІЛ. С. 76, 288.

а в Новгороде оставил сына Александра.⁹⁹ Названные памятники связаны между собой: в числе источников Степенной книги была Никоновская летопись, рассказ о нашествии Батюга Никоновской имел одним из источников Хронограф, русские известия Хронографа основаны на Сокращенном своде 1495 г., свод 1493 г. восходит к тому же протографу, что и свод 1495 г.;¹⁰⁰ протограф Сокращенных сводов лежит в основе Устюжской летописи начала XVI в.¹⁰¹ Происхождение известия о приходе Ярослава из Новгорода остается неясным: в сохранившихся летописных памятниках более раннего времени, чем конец XV в., его нет, и возможно, что это домысел позднего сводчика, поставившего вопрос, откуда Ярослав появился в Суздальской земле (в связи с явным его отсутствием там во время нашествия). В качестве комментария к такому предположению можно отметить, что в Сокращенных сводах конца XV в. и Устюжской летописи нет известия о вокняжении Ярослава в 1236 г. в Киеве, и составитель их протографа не имел оснований предполагать, что Ярослав мог прийти во Владимир из Киева; известий о княжении Ярослава в Новгороде в этих летописях также нет, но связь его с этим городом была, несомненно, более известным фактом, чем короткое киевское княжение.¹⁰²

О приходе Ярослава во Владимир из Киева говорится в Воскресенской летописи, причем сообщается, что после него в Киеве сел Михаил Всеволодич Черниговский.¹⁰³ Это добавление делает известие сходным с рассмотренным выше сообщением Ипатьевской летописи под 6743 г. А. Н. Насонов полагал, что рассказ Воскресенской о нашествии Батюга восходит через Московский свод 1479 г. к СИЛ, а в этой последней составлен из трех источников: близкого к Лаврентьевской летописи, близкого к НИЛ и южнорусского, близкого к Ипатьевской летописи.¹⁰⁴ Но в СИЛ вообще нет сообщения о вокняжении Ярослава во Владимире, а в Московском своде не указывается, откуда пришел Ярослав.¹⁰⁵ Следовательно, либо составитель Воскресенской летописи непосредственно обращался в данном случае к южнорусскому источнику,¹⁰⁶ либо Воскресенская летопись полнее сохранила первоначальный текст рассказа о нашествии Батюга, в то время как в сохранившихся списках СИЛ и Московского свода сообщение о приходе Ярослава из Киева оказалось исключено. Датировалось ли оно в южнорусском источнике сообщения Воскресенской летописи 1238 годом или перенос его на эту дату — результат поздней обработки текста

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 27. С. 235, 320; Л., 1982. Т. 37. С. 30, 70; СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 399; Т. 10. С. 113; Т. 21, ч. 1. С. 265.

¹⁰⁰ См.: К у с к о в В. В. Степенная книга как литературный памятник XVI века: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1952. С. 6—8; К л о с с Б. М. 1) Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. С. 145; 2) О времени создания Русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—249; Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 186.

¹⁰¹ С е р б и н а К. Н. Устюжское летописание XVI—XVIII вв. Л., 1985. С. 125. Я. С. Лурье предполагает, что Устюжская летопись связана с протографом Сокращенных сводов не непосредственно, а через их общий источник — Кирилло-Белозерский свод 70-х гг. XV в. (Л у р ь е Я. С. Общерусские летописи. . . С. 125).

¹⁰² В Степенной книге, в числе источников которой были летописи, содержащие известие о вокняжении Ярослава в 1236 г. в Киеве (СИЛ и Воскресенская, см.: К у с к о в В. В. Степенная книга. . . С. 6—8), делается попытка согласовать это известие с сообщением о приходе Ярослава во Владимир из Новгорода: «. . . ему же тогда в нашествие Батюгово прешедшу из Киева въ великий Новгородъ» (ПСРЛ. Т. 21, ч. 1. С. 253), т. е. уход Ярослава из Киева датируется зимой 1237/38 г.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. 7. С. 143—144.

¹⁰⁴ Н а с о н о в А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 180—184.

¹⁰⁵ См.: ПСРЛ. Т. 5. 2-е изд. Вып. 1. С. 217; Т. 25. С. 130.

¹⁰⁶ Непосредственное отражение в Воскресенской летописи южнорусского источника, близкого к Ипатьевской, предполагали М. Д. Приселков, Д. С. Лихачев, В. Т. Пашуто (П р и с е л к о в М. Д. История русского летописания XI—XV вв. Л., 1940. С. 46, 95; Л и х а ч е в Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 474; П а ш у т о В. Т. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. С. 21—25).

(в этом случае следует полагать, что сводчик отождествил уход Ярослава «Суждалю», упоминаемый в южнорусском источнике, с указанием другого источника о его вокняжении во Владимире в 1238 г.), судить трудно.

Таким образом, прямые летописные известия о том, откуда пришел Ярослав на Владимирское княжение, не дают веских оснований для предпочтения Новгорода Киеву или наоборот. Проясняет вопрос обращение к косвенным данным. НПЛ, фиксирующая все факты вокняжения в Новгороде князей, в том числе и многократные занятия киевского стола Ярославом, ничего не говорит о его княжении там после 1236 г.: с этого времени и до 1241 г. в Новгороде княжит Александр Ярославич.¹⁰⁷ Поэтому наиболее вероятным кажется, что уход Ярослава из Киева в Суздальскую землю, о котором говорит Ипатьевская летопись, и его приход на Владимирское княжение после гибели брата Юрия — одно и то же, и Ярослав находился на киевском столе до весны 1238 г.¹⁰⁸

Таким образом, следует признать, что вывод, согласно которому под «погибелью» в «Слове о погибели Руския земли» имеется в виду нашествие Батя, и предположение о том, что во время создания «Слова» Ярослав Всеволодич был киевским князем, не противоречат друг другу, с той лишь оговоркой, что речь может идти лишь о нашествии на Северо-Восточную Русь зимой 1237/38 г.; во время нашествия Батя на Южную Русь Ярослав уже был князем Владимирским.

Предположение, что в «Слове о погибели» Ярослав назван впереди Юрия потому, что во время создания этого произведения он был киевским князем, хорошо объясняет перечень князей в заключительной фразе сохранившегося отрывка: «. . . от великаго Ярослава и до Володимера, и до нынѣшняго Ярослава». Здесь перечислены киевские князья: Ярослав Мудрый, при котором «болезнь» междоусобиц еще не проявилась и который предупреждал, согласно летописи, о том, что распри и «которы» приведут к «погибели»; Владимир Мономах — князь, сумевший задержать развитие «болезни», чьими устами летопись предсказывала в 1097 г., как совершится «погибель Русской земли», князь, наиболее грозный для врагов Руси, и «нынешний» киевский князь. В отличие от этих князей Юрий назван после Ярослава с титулом «князь Владимирский» — очевидно, потому, что в несохранившейся части «Слова» речь должна была пойти о нашествии Батя на возглавляемое им Владимиро-Суздальское княжество.

Рассмотрение понятия «погибель Руской земли» и возможных причин упоминания Ярослава впереди Юрия приводят к предположению, что «Слово о погибели Руския земли» было написано в первой половине 1238 г., как отклик на Батыево нашествие на Северо-Восточную Русь. Было ли оно написано до гибели Юрия в битве на Сити 4 марта или после нее, судить трудно, но во всяком случае создание «Слова» следует отнести ко времени до возвращения Ярослава из Киева в Северо-Восточную Русь, после которого он стал владимирским князем и Юрий уже не мог иметь этот титул.

Место написания «Слова о погибели» определяется перечнем народов, соседних Руси: «Отъѣле до Угорь и до Ляховъ, до Чаховъ, от Чаховъ до Ятвязи и от Ятвязи до Литвы, до Нѣмецъ, от Нѣмецъ до Корѣлы, от

¹⁰⁷ НПЛ. С. 53, 61, 64—65, 70, 74, 77—78, 163 (перечень новгородских князей: «. . . и опять Ярослав Всеволодиць; и по немъ сынъ его Александръ Храбрыи; и по немъ брат его Андрѣи; и опять Александръ»), 252, 263, 269, 278.

¹⁰⁸ Юрий, следовательно, в январе—феврале 1238 г. ожидал Ярослава с полками (если сообщение об этом Лаврентьевской летописи достоверно) скорее всего из Киева, куда при известии о начале наступления татар была послана весть. То, что Ярослав покинул Киев только в 1238 г., предполагали М. С. Грушевский и (со ссылкой на Воскресенскую летопись) А. В. Соловьев (Грушевский и Соловьев ссылаются на М. С. Грушевский и М. С. Грушевский — Русь. Львів, 1905. Т. 2. С. 249; Соловьев в А. В. Заметки. . . С. 99). Известие о приходе Ярослава из Новгорода следует признать поздним домыслом, если только оно не отражает вероятного в принципе факта: заезда Ярослава в 1238 г. в Новгород к сыну перед возвращением в Северо-Восточную Русь, только что покинутую полчищами Батя.

Корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху Тоимици погании, и за Дюшючимъ моремъ, от моря до Болгарь, от Болгарь до Буртасъ, от Буртасъ до Чермись, от Чермись до Мордъви — то все покороено было богомъ. . .» Перечень начинается от Венгрии, идет на север, северо-восток, восток, юго-восток, юг. Очевидно, что тем «отселе», от которого ведет отсчет автор и к которому ближе всего Венгрия, был не Новгород и не Северо-Восточная Русь, а Русь Южная, т. е., вероятнее всего, тот же Киев. Как уже говорилось, В. В. Данилов и Ю. К. Бегунов предполагали, что «Слово о погибели» было написано на северо-востоке, но южно-русом по происхождению.¹⁰⁹ Однако такие названные ими черты памятника, как отзвуки южных легенд о Владимире Мономахе, следы влияния «Повести об Индии богатой», упоминание виноградников, знание половецких обычаев могли проявиться и у автора-северянина, если он пребывал около двух лет в Киеве в период княжения там Ярослава Всеволодича. Более существенно, что у автора «Слова о погибели» Владимиро-Суздальское княжество входит в понятие «Русской земли». Для южнорусского летописания XIII в. характерно употребление терминов «Русская земля», «Русь», «русские князья», «русские города» по отношению только к Южной Руси (часто включая Галицко-Волынскую землю), ее городам и князьям.¹¹⁰ Северо-Восточная Русь именуется «землей Суздальской», ее города — «городами Суздальскими».¹¹¹ В северо-восточном и новгородском летописании часто встречается такое же употребление названий «Русь» и «Русская земля»,¹¹² но бывает и более широкое, при котором в понятие «Русской земли» входит Владимиро-Суздальское княжество. Во Владимирской летописи под 1206 г. рассказывается о том, как Всеволод Большое Гнездо напутствовал своего сына Константина, отправляя его на княжение в Новгород: «. . .не токмо богъ положилъ на тебѣ старѣшинство в братъи твои, но и въ всеи Русской земли и язъ ти даю старѣшинство, поѣди в свои городъ».¹¹³ В рассказе о перезахоронении Юрия Всеволодича во Владимире в 1239 г. присутствовавшие на нем князья названы «русскими».¹¹⁴ В НЛ нашествие Батия 1237—1238 гг. на Северо-Восточную Русь названо «божьим поущением» «на всей Русьской земле».¹¹⁵ Под 1257 г. говорится: «Приде вѣсть изъ Руси зла, яко хотять Татарове тамгы и десятины на Новѣгородѣ; из дальнейшего изложения видно, что татарские послы приехали из Северо-Восточной Руси».¹¹⁶

То, что автор «Слова о погибели» определил разгром Батием Владимиро-Суздальского княжества в 1238 г. как «погибель Русской земли», говорит скорее всего в пользу его северо-восточного происхождения. Вероятнее всего, он был переяславцем, приближенным Ярослава Всеволодича, и написал свое «Слово» весной 1238 г. в Киеве, после получения там трагических вестей из Владимиро-Суздальской земли.

Другим предметом спора является расстановка знаков препинания в первой части «Слова о погибели Русской земли». Первый издатель его — Х. М. Лопарев — расставил их здесь следующим образом: «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотаи удивлена еси: озеры многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами крутыми, холми высокими, дубравами частыми, полми дивными, звѣрьми разлычными, птицаи бещисленными, городаи вели-

¹⁰⁹ Данилов В. В. «Слово о погибели Русская земля» . . . С. 140—142; Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 122—123.

¹¹⁰ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 725—726, 730, 736, 738, 740, 745, 755, 757, 766, 773, 778, 781, 784, 786, 807.

¹¹¹ Там же. Стб. 779—780, 785.

¹¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 417—421, 429—430, 446—447; НЛ. С. 45, 52—53, 58, 60, 62, 239, 249, 251, 259, 262, 264—265.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 422.

¹¹⁴ Там же. Стб. 467.

¹¹⁵ НЛ. С. 76, 289.

¹¹⁶ НЛ. С. 82, 309.

кыми, селы дивными, винограды обителными, дома церковными, и князьями грозными, бояры честными, вельможами многими! Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестияньская!». ¹¹⁷ Большинство позднейших издателей приняли такую пунктуацию, при которой все эпитеты стоят после определяемых существительных. Для «озер», «городов», «сел», «виноградов», «домов», «князей», «бояр» и «вельмож» иной вариант и невозможен. Но появилась точка зрения, согласно которой эпитеты к остальным существительным («горы», «холмы», «дубравы», «поля», «звери») стоят в препозиции, «реки и кладязи» эпитета не имеют, а у «птиц» два эпитета — один в препозиции, другой в постпозиции: «. . . озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми, мѣсточестными горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми польми, дивными звѣрьми, различными птицами бесчисленными, города великими. . .» Такую пунктуацию предложил М. В. Горлин. ¹¹⁸ Он исходил при этом из пунктуации Рижского списка, где единственный имеющийся в рукописях «Слова о погибели» пунктуационный знак — точка — стоит после слов «кладязми», «горам», «холми», «звѣрьми», «бесчисленными». Это мнение было подвергнуто критике Н. К. Гудзием, А. В. Соловьевым и Н. А. Мещерским. Их возражения могут быть сведены к следующему: 1) нельзя исходить из пунктуации позднего списка; ¹¹⁹ 2) нарушается ритмика произведения (сначала два существительных без эпитета, затем четыре с эпитетами в препозиции, одно с двумя эпитетами с обеих сторон и семь с эпитетами в постпозиции); ¹²⁰ 3) сочетание «месточестные горы» бессмысленно, так как «месточестными» (т. е. «местно чтимыми») на Руси могли быть только «кладязи» — водные источники. ¹²¹ В недавнем издании «Слова о погибели» в серии «Памятники литературы Древней Руси» Л. А. Дмитриев вернулся к пунктуации Горлина с некоторыми изменениями: «. . . озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми польми, дивными звѣрьми, различными птицами, бесчисленными города великими, селы дивными. . .». ¹²² При такой расстановке знаков препинания остаются, однако, в силе возражения Н. К. Гудзия, А. В. Соловьева и Н. А. Мещерского относительно нарушения ритмики «Слова»: при существительных «озера» и «реки и кладязи» эпитеты стоят в постпозиции, «горы» оказываются без эпитета, затем эпитеты к пяти существительным стоят в препозиции, «города» имеют два эпитета с обеих сторон, после чего вновь совершается переход к постпозиции эпитетов.

Главным аргументом сторонников препозиции части эпитетов было то, что эпитет «чистые» приложим к «полям», но не к «дубравам». Чтение «чистыми» дает Рижский список, в Печерском это слово написано под титулом — «чстыми», отражая чтение архетипа обоих списков. ¹²³ Х. М. Лопарев предположил, что в первоначальном тексте было не «чистыми», а «частыми», и привел пример сочетания «дубрава частая» (т. е. густая). ¹²⁴ Н. А. Мещерский заметил, что и сочетание «чистая дубрава» имеет смысл,

¹¹⁷ Лопарев Х. М. «Слово о погибели Руския земли» . . . С. 18—19.

¹¹⁸ Gorlin M. Le Dit. . . Р. 23.

¹¹⁹ Мещерский Н. А. К реконструкции текста «Слова о погибели Руския земли» // Вестн. ЛГУ. Сер. История, язык, литература. 1963. № 14, вып. 3. С. 51.

¹²⁰ Гудзий Н. К. О «Слове о погибели Руския земли». . . С. 544—545; Соловьев А. В. Заметки. . . С. 90—92; Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 51—52.

¹²¹ Соловьев А. В. Заметки. . . С. 91; Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 52. С мнением о постпозиции всех эпитетов в первой части «Слова о погибели» согласился Ю. К. Бегунов, посвятивший специальный параграф проблеме ритмики памятника (Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы . . . С. 123—134).

¹²² См.: Памятники литературы Древней Руси: XIII век. С. 130.

¹²³ См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 24—25, 154—155.

¹²⁴ Лопарев Х. М. «Слово о погибели Руския земли». . . С. 18.

так как дубрава — это собственно «чистая» роща, т. е. состоящая из деревьев одной породы.¹²⁵ Правда, в таком значении эпитет «чистый» в приложении к существительному «дубрава» в древнерусских текстах не встречается. Но в «Материалах» И. И. Срезневского он приводится в сочетании со словом, обозначающим однородный хвойный лес — «бор»: «. . . ста шатры на бору чистѣ»; И. И. Срезневский дает здесь значение «редкий, без зарослей».¹²⁶

Таким образом, более убедительным представляется мнение о позиции всех эпитетов в первой части «Слова о погибели». Представляется справедливой и принятая почти во всех изданиях «Слова о погибели» постпозиция сказуемого «удивлена еси» по отношению к дополнению в обоих случаях его употребления: «И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязми мѣсточестными. . .» Ю. К. Бегунов во втором случае отнес сказуемое к «рекам и кладязям» и поставил запятую после слова «многими».¹²⁷ Думается, для такой поправки нет оснований. В первом случае употребление сказуемого «удивлена еси» после дополнения бесспорно: «. . . и многими красотами удивлена еси». В последующем тексте эти красоты называются; первыми упомянуты озера с добавлением того же сказуемого, а затем дополнения даются уже без него. Правильная мысль Ю. К. Бегунова о том, что однородные члены (дополнения) зависят от одного сказуемого — «удивлена еси»,¹²⁸ не согласуется в данном случае с его расстановкой знаков препинания, поскольку «озера многие» остались не связаны с этим сказуемым, будучи отделены от него запятой.

Во всех изданиях «Слова о погибели Русские земли» первая часть заканчивается восклицанием «Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестиянская!», приводимым как единая фраза. Только В. В. Данилов при цитировании «Слова» давал первую половину этой фразы как отдельное восклицание — «Всего еси исполнена земля Руская!»¹²⁹ При таком прочтении два восклицания идут подряд, вероятно, поэтому оно не допускалось никем из издателей памятника. Но при принятом объединении их в одно оказывается, что междометие «о» не начинает фразу, а находится в середине нее — случай исключительный в практике издания древнерусских памятников. Он был бы правомерен, только если бы обе части фразы действительно составляли смысловое целое. Представляется, что это не так. Восклицание «Всего еси исполнена земля Руская!» является итогом перечисления красот Русской земли, чему посвящена первая часть «Слова». Восклицание «О прававѣрная вѣра хрестиянская!» начинает вторую часть произведения, в которой речь идет уже не о красоте Русской земли, а о могуществе ее народа и возглавляющих его князей. Народ Руси назван здесь «крестиянским языком» («. . . то все покорено было богомъ крестиянскому языку поганьския страны. . .»), что перекликается с восклицанием «о прававѣрная вѣра хрестиянская!», где тоже подчеркивается религиозное единство Руси по отношению к соседям. Подобно тому как первая часть «Слова о погибели» открывается восклицанием, начинающимся с «о» («О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая!»), зачин второй части представляет собой аналогично построенное восклицание — «О прававѣрная вѣра хрестиянская!»

Во всем тексте первой и начала второй части «Слова о погибели» наиболее правильной кажется, таким образом, следующая расстановка знаков препинания:

¹²⁵ Мещерский Н. А. К реконструкции. . . С. 51; ср.: Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1978. Вып. 5. С. 93.

¹²⁶ Срезневский И. И. Материалы. Т. 3. Стб. 1532.

¹²⁷ Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы. . . С. 130, 182.

¹²⁸ Там же. С. 130.

¹²⁹ Данилов В. В. «Слово о погибели Русские земли». . . С. 139.

О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руская!
 И многими красотами удивлена еси:
 озеры многими удивлена еси,
 рѣками и кладязьми мѣсточьстными,
 горами крутыми, холми высокими,
 дубравами чистыми (вар.: частыми), полми дивными,
 звѣрьми различными, птицами бецисленными,
 города великими, селы дивными,
 винограды обителными, дома церковьными,
 и князьми грозными, бояры честными, вельможами
 многими.

Всего еси исполнена земля Руская!

О прававѣрная вѣра хрестияньская!
 Отъсле до Угорь...
 ...То все покороено было богомъ
 хрестияньскому языку поганьскыя страны...

Еще одной проблемой изучения «Слова о погибели Руския земли» является его отношение к «Слову о полку Игореве». Наиболее обстоятельно этот вопрос был рассмотрен А. В. Соловьевым, который привел много лексических, грамматических, жанровых параллелей между двумя памятниками и пришел к выводу, что оба они относятся к одной школе светского лиро-эпического творчества; при этом автор полагал, что вопрос о том, знал ли автор «Слова о погибели» «Слово о полку Игореве» и подражал ли ему, решить трудно.¹³⁰ Д. С. Лихачев отметил жанровое сходство произведений — оба представляют собой сочетание «славы» и «плача».¹³¹ Изучение вопроса продолжил Б. А. Рыбаков. Он указал, что автор «Слова о погибели» «принял историческую схему „Слова о полку Игореве“: после благополучных лет Ярослав (Мудрого) начались годы крамол и усобиц, началась „болезнь“, продолжавшаяся до Владимира (Мономаха); болезнь проявилась и при нынешних князьях (для автора 1185 г. — при Игоре, а для автора начала XIII в. — при сыновьях Всеволода Большое Гнездо)».¹³² Более того, по мнению Б. А. Рыбакова, прославление Владимира Мономаха в «Слове о погибели» (от слов «которым то половыци. . .» до слов «далече будучи за синим морем») является цитатой из несохранившейся части исторического раздела «Слова о полку Игореве».¹³³ Это предположение не кажется убедительным, поскольку требует слишком сильного допущения: что в «Слове о погибели» была процитирована именно та часть «Слова о полку Игореве», которая не сохранилась в составе собственно этого последнего. Однако указание Б. А. Рыбакова на близость исторических взглядов авторов двух «Слов» является весомым аргументом в пользу знакомства автора XIII в. со «Словом о полку Игореве».

Может быть развито и положение о жанровой близости между «Словом о полку Игореве» и «Словом о погибели Руския земли». «Слово о полку Игореве» часто справедливо определяется как лиро-эпическое произведение. Действительно, сопоставление символики «Слова о полку Игореве» с символикой эпосов разных стран Европы и Востока выявило значительное их сходство (символика «света» и «тьмы», солнечная символика, символика «золота»)¹³⁴ Несомненны в «Слове о полку Игореве» и лири-

¹³⁰ Соловьев А. В. Заметки. . . С. 109—112.

¹³¹ Лихачев Д. С. Слово о полку Игоря Вячеславича // Слово о полку Игореве. Л., 1967. С. 30—35.

¹³² Рыбаков Б. А. «Слово о полку Игореве» и его современники. С. 80.

¹³³ Там же. С. 81—85.

¹³⁴ См.: Робинсон А. Н. 1) Литература Древней Руси в литературном процессе средневековья XI—XIII вв. М., 1980. С. 242—313; 2) Литература Киевской Руси в мировом контексте // Славянские литературы: IX Международный съезд славистов (Киев, сент. 1983 г.). М., 1983. С. 18—20; 3) «Слово» в поэтическом контексте мирового средневековья // ВЛ. 1985. № 6. С. 123—134.

ческие черты: сильное авторское начало, высокий удельный вес «размышления по поводу событий» при относительной слабости собственно повествовательной фабулы.¹³⁵ Кроме того, в «Слове о полку Игореве» имеется элемент публицистический, выразившийся в яркой политически злободневной направленности произведения, его главном идейном содержании — призыве к единству действий перед лицом внешней опасности. Отчетливо выраженная публицистичность — черта, характерная для многих произведений литературы Древней Руси: ряда летописных повестей, «Поучения» Владимира Мономаха и его письма к Олегу Святославичу, «Слова Даниила Заточника». Особенность публицистичности «Слова о полку Игореве» заключается в ее историческом характере. Б. А. Рыбаков справедливо отмечает, что «Слово о полку Игореве» — «не только возвышенная», «украшно-украшенная» поэма, но и мудрый историко-политический трактат».¹³⁶ Исторический характер публицистичности «Слова о полку Игореве» в том, что «нынешнее» время сопоставляется в нем с прошлыми событиями русской истории. Такая черта характерна для таких предшествовавших «Слову о полку Игореве» произведений, как так называемое «Предисловие к Начальному своду конца XI в.», дошедшее в составе НЛ,¹³⁷ и «Слово о князьях» (вторая половина XII в.).¹³⁸ Для этих произведений, однако, свойственна идеализация прошлого («в укор» современности). «Слово о полку Игореве» прошлое не идеализирует, показывая и негативные явления, возникшие в нем и продолжающиеся до времен «нынешних»: наряду с воспоминаниями о могуществе «Старого Владимира» и доблестных делах Всеслава Полоцкого автор с горечью рассказывает о «крамолах» Олега Святославича, последовавших после «лет Ярославлих» и начавших эпоху княжеских распрей, приведших к ослаблению Руси перед лицом половецких набегов.¹³⁹

Таким образом, «Слово о полку Игореве» сочетает в себе эпические, лирические и публицистические черты, и органичное соединение в нем разных жанров во многом и обуславливает силу художественного восприятия этого произведения. В «Слове о гибели Рускыя земли», несмотря на его краткость, наличествует такое же сочетание. Лирический характер носит описание красот Русской земли в первой части произведения. Эпические черты видны в гиперболическом изображении мощи Владимира Мономаха: «. . дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то Половци дѣти своя ношаху в колыбѣли, а Литва из болота на свѣтъ не выникываху, а Угры твердыху камены города желѣзными вороты, абы на нихъ великыи Володимеръ тамо не възѣхаль, а Немци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ. Бургасы, Черемиси, Вяда и Морьдва бортьничаху на князя великого Володимера. И жюри Мануилъ цесарь-городскыи, опасъ имѣя, поне и великыи дары посылаше к нему, абы подѣ нимъ великыи князь Володимеръ Цесарьгорода не взялъ». Наконец, в упоминании в последней фразе сохранившегося отрывка о «болезни» — усобицах, приведших к упоминаемой в заглавии «погибели Рускыя земли», отразился публицистический характер задуманного произведения. И эта публицистичность сходна с той, которую видим в «Слове о полку Игореве». Автор обращается к истории, но не идеализирует прошлое — к этому прошлому равно относится и могущество Руси при Владимире

¹³⁵ См.: Л и х а ч е в Д. С. Сюжетное повествование в памятниках, стоявших вне жанровых систем XI—XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 196 — 204; В о р т Д. С. Лирический элемент в «Слове о полку Игореве» / Слово о полку Игореве: Комплексные исследования. М., 1988.

¹³⁶ Р ы б а к о в Б. А. Историзм «Слова о полку Игореве»: К 800-летию «Слова о полку Игореве» // История СССР. 1985. № 5. С. 36.

¹³⁷ НЛ. С. 103—104.

¹³⁸ Памятники литературы Древней Руси: XII век. М., 1980. С. 339—344.

¹³⁹ Слово о полку Игореве. М.; Л., 1950. С. 15—16, 25—26.

Мономахе, его сыне Юрии и внуке Всеволоде, и «болезнь», начавшаяся от «великого Ярослава» (по смерти Ярослава Мудрого).

Жанровое сходство «Слова о погибели Рускыя земли» со «Словом о полку Игореве» представляется, таким образом, очень тесным: оба они (и только они из сохранившихся произведений русской литературы домонгольского периода) сочетают в себе черты эпоса, лирики и публицистики. Очень вероятно, что автор «Слова о погибели» был знаком со «Словом о полку Игореве», хотя отсутствие прямых текстуальных заимствований не позволяет утверждать это категорически. Три списка, обнаруженных в новое время — один «Слова о полку Игореве» и два «Слова о погибели Рускыя земли», — составляют то драгоценное наследие, которое дошло от светской лиро-эпической публицистической литературы Руси XII—XIII вв.